

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

А. С. Трутнева

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sushkabelaruska@yandex.ru;

науч. рук. – А. А. Кожина, д-р филол. наук, проф.

Инвективная лексика в последнее время вызывает интерес у лингвистов, поэтому мы обратили внимание на семантическое развитие данного пласта лексики. В работе были продемонстрированы некоторые деривационные модели, с помощью которых может образоваться инвективная лексическая единица. Кроме того, мы показали словообразовательные возможности тех же моделей образовывать другие слова без инвективного значения. Особый интерес вызывает коммуникативный аспект использования инвективов. Мы проанализировали употребление вышеупомянутых лексических единиц в письменной литературной речи и сравнили с данными словарей. Несмотря на то, что многие слова достаточно часто используются как инвективы не только в живой коммуникации, но и во многих текстах, в словарях далеко не всегда зафиксировано данное потенциальное значение.

Ключевые слова: инвективная лексика; семантическое развитие; деривационная модель; аффиксация; коннотация; семантическая деривация.

Современные лингвисты проявляют большой интерес к изучению инвективной лексики. Многие исследователи называют инвективой любое слово, употребленное с целью нанесения оскорбления адресату. В языковой системе это слово зафиксировано как потенциальная инвектива, т. е. оно содержит в своем значении критические характеристики человека (В. И. Карасик, О. П. Королева) [2, с. 236]. В этом случае инвективой можно назвать любое, даже самое безобидное слово, употребление которого может оскорбить того или иного человека. Таким образом, важнейшей характеристикой инвективы является ее коммуникативная природа; инвектива в контексте реализует функцию отрицательного воздействия оскорбления, унижения, обиды и т. д.

В своем исследовании мы понимаем инвективу как пейоративную эмоционально-оценочную единицу, которая выступает как средство вербальной агрессии. К инвективной лексике, безусловно, относится и обценная лексика, т. е. бранная, лексика. Однако необходимо отметить, что материал для нашей работы извлекался из лексикографического источника «Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost» («Словарь литературного чешского языка для студентов и общественности») [2], и в связи с этим мы не обращались к обценной лексике. Следует обозначить и то, что в данном исследовании инвектива понимается как лексическая единица, которая в высказывании не только может потенциально

оскорбить или унижить адресата, но и как единица, которая способна выразить негативное отношение адресанта к человеку.

Существует бесчисленное множество деривационных моделей, с помощью которых может образоваться инвективная лексическая единица. К примеру, большая часть инвектив литературного чешского языка образована с помощью аффиксации. Зачастую эти слова образовывались от некоторых производящих основ, в значении которых уже была заключена негативная коннотация, с помощью определенных суффиксов. Как правило, словообразовательное значение этих формантов достаточно нейтральное и указывает на носителя определенной черты или на человека, который производит то или иное действие. То есть, с помощью этих суффиксов могут образовываться не только слова с инвективным значением (см. таблицу).

Таблица

Образование инвективной и стилистически нейтральной лексики с помощью суффиксации

Деривационная модель	Инвективная лексика	Стилистически нейтральная лексика
Прилагательное + -ec	Nadutec ‘заснайка’ ← nadutý+ -ec	Jednotlivec ‘индивидуум’ ← jednotlivý+ -ec;
Глагол + -ář	Čachrář ‘мошенник’ ← čachrovat + -ář	Čtenář ‘читатель’ ← čtení (основа отгл. сущ.) + -ář
Глагол + -ák	Vandrák ‘бродяга’ ← vandrovat + -ák	Zpěvák ‘певец’ ← zpívat + -ák
Глагол + -oun	Chvastoun ‘хвастиливый человек’ ← chvástat se + -oun	Pěstoun ‘опекун’ ← pěstovat + -oun

Особую роль при образовании инвектив играет семантическая деривация. В речи огромное количество слов имеет потенциал стать инвективами в каком-либо определенном высказывании. Следовательно, значительная часть инвективной лексики представляет собой слова, которые изначально имели совершенно нейтральное значение, но развили в своей семантике негативную составляющую. В зависимости от основного значения некоторых взятых нами для анализа слов мы можем выделить некоторые группы инвектив.

Прежде всего, мы можем выделить инвективы, образованные от терминов, применяемых в психологии и психиатрии. Это такие слова, как *idiot* ‘идиот’ и *debil* ‘дебил’. Первоначальное значение этих слов – это ‘человек, страдающий определенной формой умственной отсталости’, однако эти лексемы вышли за рамки сугубо медицинской терминологии и вносят в высказывание негативный социальный оттенок. Как в устной, так и в письменной речи эти лексические единицы употребляются для обозначения людей, которые отличаются глупостью или глупо себя ве-

дут: *Sotva jsem na to pomyslela, ten idiot už začal recitovat.* – ‘Как только я об этом подумала, этот идиот уже начал декламировать’; *Protože jsi debil, protože ona za to nestojí.* – ‘Потому что ты debil, потому что она этого не стоит’ [5].

Особый интерес вызывают инвективы, образованные от названий профессий. Как правило, эти лексемы совсем утратили свое первоначальное значение и приобрели новое, негативное, которое развилось на основе стереотипных качеств представителей той или иной профессии, рода занятий. В качестве примера можно привести такие слова, как *šarlatán* и *mastičkář*, которые используются в значении ‘обманщик, пройдоха’. Изначально они обозначали людей, которые торговали целебными средствами, часто не вылечивающими от болезни, сейчас же они часто применяются по отношению к нечистым на руку людям: *Ten člověk byl ve skutečnosti tupý a nevzdělaný šarlatán.* – ‘Этот человек был на самом деле глупым и необразованным шарлатаном’ [5]. Также *otrokář* ‘рабовладелец’ и *katan* ‘палач’ по понятным причинам стали употребляться в значении ‘жестокий человек’: *Sovětsí katani je decimovali.* – ‘Советские палачи их истребили’ [5].

Неудивительно, что слово *herec* ‘актер’ стали использовать для обозначения человека, который любит играть на публику, слова *špeh* и *špicl* ‘шпион’ – для пренебрежительного обозначения людей, которые следят за жизнью других. А, к примеру, слово *šašek* ‘придворный шут’ нередко употребляется как номинация человека, который глупо себя ведет: *Já jsem jeho generál a on jen starý přihlouplý šašek!* – ‘Я его генерал, а он лишь старый глуповатый шут!’ [5] Однако хотелось бы обратить внимание на то, что от слов этой группы с помощью переноса значения могут образовываться не только инвективы. К примеру, то же слово *šašek* в контексте может обозначать циркового клоуна или даже гимнаста: *Přečtěte si tu knihu. Hlavní hrdina je cirkusový šašek, bude se vám to určitě líbit!* – ‘Прочитайте ту книгу. Главный герой – цирковой клоун, вам определенно понравится!’ [5]

Кроме того крайне часто инвективы образуются в результате зоосемантических метафор. Как правило, данные инвективы «перенимают» стереотипные качества того или иного животного. Как и в русском языке, слово *krysa* ‘крыса’ нередко используется в значении ‘подлый человек’ (*Mluv se mnou slušně, ty kryso!* – ‘Разговаривай со мной нормально, крыса!’ [5]); слово *osel* ‘осел’ – для обозначения глупого человека (*Ten osel nechápe, že nedělá milost on nám, ale my jemu!* – ‘Этот осел не понимает, что это не он нам делает услугу, а мы ему!’ [5]), *liška* ‘лиса’ – для обозначения хитрого человека, а слова *slepice* ‘курица’ и *koza* ‘коза’ – для обозначения глупой женщины (*Copak jsem ti někdy*

ublížil, ty kozo pitomá? – ‘Я тебя хоть когда-нибудь обижал, коза ты глупая?’ [5]). Но в то же время от наименований животных могут образовываться не только слова с инвективным значением. К примеру, слово *koza* ‘коза’ в высказывании может быть употреблено со значением спортивного снаряда: *Nikdy necvičil na nářadí, jako je koza, bedna.* – ‘Он никогда не занимался на таких спортивных снарядах, как козел и гимнастический ящик’ [5]

Отдельную группу составляют инвективы, значение которых развилось на основе наименований вещей повседневного пользования или еды. К примеру, изначально слово *bačkora* имеет значение ‘тапок’, однако данная лексема нередко в контексте используется в качестве названия мягкотелого человека: *K tomu by se nikdy neodvážil. Je bačkora.* – ‘Он бы никогда на это не отважился. Он слюнтяй’ [5]. Примерно то же инвективное значение в высказывании имеют слова *balík* и *bábovka*, хотя их первоначальное значение – ‘упаковка’ и ‘булка’ соответственно. Интерес вызывает и лексическая единица *škatule*, которая, прежде всего, служит для наименования такого предмета, как сундук, однако довольно часто в текстах это слово имеет значение ‘крайне неприятная женщина старшего возраста’: *To je problém tý starý škatule. Nedělej si starosti.* – ‘Это проблема той старой карги. Не переживай’ [5].

Также следует выделить инвективы, образованные от названий мифологических существ. К ним относятся такие слова, как *megera* ‘мегера’ и *fúrie* ‘фурия’. Как и во многих языках, эти лексические единицы служат для наименования злых или разъяренных женщин и крайне редко употребляются в своем первоначальном значении: *Znám několik chlapů, jejichž ženy jsou opravdové megery.* – ‘Я знаю несколько мужчин, чьи жены настоящие мегеры’ [5]. Однако эти слова изначально обозначали отрицательных существ, и поэтому негативное значение уже стало символическим. Но в некотором контексте наименования отдельных мифологических существа могут обозначать и человека с хорошими качествами. К примеру, слово *anděl* ‘ангел’ может использоваться для обозначения человека с хорошими качествами: *Důležité je, abychom si z toho vzali poučení. Nejsme andělé.* – ‘Главное, что мы получили урок. Мы не ангелы’ [5].

Таким образом, от слов из одних и тех же лексических групп и с помощью одних и тех же деривационных моделей могут образовываться как лексические единицы с инвективным значением, так и стилистически нейтральные слова или слова с другой эмоциональной окраской. Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что инвективное значение чаще всего порождается в контексте, который может быть не

зафиксирован, и данные словаря далеко не всегда могут отражать реальное употребление отдельной лексической единицы.

Библиографические ссылки

1. *Karasič B. I.* Язык социального статуса. М., 2002.
2. *Filipec J. A., Daneš F.* Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.
3. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
4. Příruční mluvnice češtiny / M. Grepl [a kol.]. Praha, 2003.
5. Český národní korpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 12.04.2018).